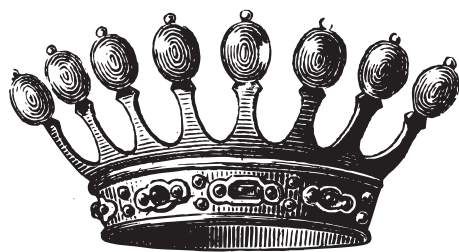

С Т И В Е Н П Р О Т Е Р О

ВОСЕМЬ РЕЛИГИЙ, КОТОРЫЕ ПРАВЯТ МИРОМ

ВСЕ ОБ ИХ СОПЕРНИЧЕСТВЕ, СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИЯХ

الله

Даосизм религия йоруба

КОНФУЦИАНСТВО БУДДИЗМ ИУДАИЗМ

ИНДУИЗМ ХРИСТИАНСТВО

А Т Е И З М

– Второе издание –

МОСКВА
2024

УДК 2
ББК 86.3
П83

Stephen Prothero
GOD IS NOT ONE
The Eight Rival Religions That Run the World —
and Why Their Differences Matter

Перевод с английского *Ульяны Сапциной*

Оформление обложки *Петра Петрова*

Протеро, Стивен.

П83 Восемь религий, которые правят миром : все об их соперничестве, сходстве и различиях / Стивен Протеро ; [пер. с англ. У. Сапциной]. – 2-е изд. – Москва : Эксмо, 2024 – 400 с. – (Религия. История Бога).

ISBN 978-5-699-95461-2

В этой книге представлены крупнейшие религии мира: иудаизм, христианство, ислам, индуизм, буддизм, конфуцианство, даосизм, религия йоруба, а также дополнительная глава об атеизме, такие, какие они есть на самом деле — во всех их славе и бесславии. Вы узнаете, из чего выросли религии, покоровшие миллионы людей; что обещают человеку великие религии мира и чего они требуют взамен; какие проблемы человека реально решает та или иная религия; что происходит на современном глобальном религиозном рынке сегодня; как религия может превратиться в одну из величайших сил зла в истории. Стивен Протеро — не только признанный специалист по религиоведению, но и мастер слова, поэтому «Восемь религий...» — это и компетентное изложение основных идей, практик и ценностей великих религий, и увлекательный остроумный рассказ о человеческих поисках Бога и стремлении стать совершеннее в прошлом и настоящем.

УДК 2
ББК 86.3

© Stephen Prothero, 2010
© First published by HarperOne, an Imprint of HarperCollins Publishers
© Translation rights by Sandra Dijkstra Literary Agency
© Сапцина У.В., перевод на русский язык, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-699-95461-2

ОТ АВТОРА

Эта книга появилась благодаря великодушию моих коллег, трудам других ученых, поддержке друзей и родных, провокационным вопросам студентов.

В Бостонском университете мне была обеспечена поддержка главы кафедры Диэны Клеппер и деканов Джеффри Хендерсона и Вирджинии Сапиро. Более десяти студентов старших курсов, изучивших в Бостонском университете религиоведение и теологию, поделились со мной опытом. Коллеги по университету помогали работе продвигаться, устраивая вместе со мной «мозговые штурмы», читая отдельные главы, отвечая на письма с экстренными просьбами проверить эту фразу или ту дату: это Кесиа Али, Нэнси Аммермен, Дэвид Эккел, Пола Фредриксен, Донна Фрейтас, Скотт Герднер, Кэтрин Хьюдак, Джонатан Клаванс, Дженнифер Наст, Фрэнк Кором, Кристофер Лерих, Роберт Хефнер, Том Майкл, Дана Роберт, Адам Селигмен, Онадже Вудбайн, Уэсли Уайлдмен и Майкл Занк. Джон Бертронг и Дайана Лобел проявили поразительное великодушие, подготовив комментарии по нескольким главам и продолжая подбадривать меня во время работы.

За пределами моего родного университета помощь мне оказывали Джун Ан, Хэзер Бернс, Дэвид Чеппелл, Ивонна Ширё, Лесли Кушинг, Ивонна Дэниэл, Элис Фрэнк, Джорджия Фрэнк, Сет Хэнди, Ли Хохмен, Пол Джонсон, Эшли Макар, Кэтрин Макклаймонд, Джозеф Мерфи, Джейкоб Олугона, Роберт Росс, Нора Рабел, Кен Сербин, Кристин Свенсон, Роберт Фэррис Томпсон, Скотт Тумма, Роберт Термен, Томас Туид, Дункан Уильямс, Джефф Уилсон, Лорен Уиннер.

Благодарю также Николаса Хагдео и Дэвида Нойхауса – и тот, и другой показали мне свой Иерусалим, а с помощью Лаоде Архэма и Меган Хинсон я побывал в домах мусульман на Яве и индуистов на Бали.

Как всегда, я чрезвычайно признателен моему замечательному литературному агенту Сэнди Диджкстра, а также трудолюбивым сотруд-

никам агентства *Sandra Dijkstra Literary Agency*. В издательстве HarperOne мой издатель Марк Таубер и мой рекламный агент Джули Бертон доказали, что являются первоклассными мастерами своего дела, как и мой неутомимый редактор Роджер Фрит, предоставивший замечательную референтную группу по этому проекту на всех стадиях — от предложения до публикации и так далее.

Вдобавок мне необычайно повезло иметь двух дочерей, прекрасно изображающих интерес к моей работе.

И наконец, мне следует поблагодарить моих студентов, которым и посвящена эта книга. Некоторые, например, обладатель множества талантов Шари Рабин, втягивали меня в стимулирующие дискуссии по этому проекту. Другие направляли мои мысли менее очевидными, но не менее эффективными средствами, в том числе с любопытством расспрашивая о великих религиях мира. Мои студенты — мусульмане и христиане, конфуцианцы, индуисты и неверующие. Они исповедуют буддизм, религию йоруба, иудаизм и даосизм. Поэтому они стали для меня целой лабораторией религиозных различий и моделью мирного существования приверженцев соперничающих религий.

Процесс преподавания и учебы я воспринимаю как диалог, а диалог — как провокацию. С удовольствием сообщая, что диалоги моих студентов со мной и друг с другом в аудитории все эти годы представляли собой лучшие провокации, каких только может пожелать преподаватель. Но больше всего я благодарен студентам за важные вопросы — из тех, исчерпать которые не под силу ни одной книге, ни одной религии.

ПРИМЕЧАНИЯ ПО ДАТАМ И ДИАКРИТИЧЕСКИМ ЗНАКАМ

В научной литературе, посвященной религии, часто используются диакритические знаки, указывающие, как то или иное слово произносится на санскрите или другом сакральном языке. По сути дела, наличие диакритики — признак добросовестности научного подхода. Но для большинства читателей диакритические знаки — та же китайская грамота (какая разница, бревис здесь или седиль?), поэтому я отказался от них во всех случаях, кроме прямого цитирования, имен собственных и ссылок на источники. Если диакритический знак над или под латинской буквой «s» указывает, что она произносится, как «sh», тогда здесь этот звук передан как «sh», то есть имя индуистского бога Шива записано как «Shiva», а не «Śiva», цель в индуизме, мокша, — как «moksha», а не «mokṣa». Диакритические знаки зачастую оказываются препятствием для интеграции нехристианских религиозных терминов в английский язык — препятствием из тех, которые лучше разрушать, чем надстраивать. Одна из причин, по которым санскритское слово «nigvāṇa» вошло в словари английского языка, — возможность отбросить макрон над «a» и точку под «n». А индуистские эпосы Mahābhārata и Rāmāyaṇa нашли путь к широким кругам англоязычных читателей уже без соответствующих циркумфлексов.

Как правило, религиоведы также помечают даты сокращениями «н.э.» («нашей/новой эры») или «до н.э.» («до нашей/новой эры») в стремлении отойти от явно христианского характера таких сокращений, как «от Р.Х.» («от Рождества Христова») и «до Р.Х.» («до Рождества Христова»). Это уловка, так как даты по-прежнему продолжают указывать на связь событий с жизнью Иисуса независимо от того, когда происходили эти события — в н.э. или после Р.Х. Но поскольку употребление сокращений «от Р.Х.» и «до Р.Х.» косвенным образом подразумевают веру в Иисуса как «Господа» и «Христа», здесь я пользуюсь

сокращениями «н.э.» и «до н.э.» У мусульман свое летоисчисление, начинающееся от Хиджры («переселения» или «бегства») Мухаммада из Мекки в Медину в 622 году н.э. Следовательно, данная книга впервые издана в 2010 году н.э., а также в 1431 году от Хиджры.

ВСТУПЛЕНИЕ: БОГ НЕ ОДИН

Аллергия на дискуссии (с. 14) • Мнимый плюрализм (с. 15) • Религия имеет значение (с. 17) • Токсин и тоник (с. 19) • Коянискаци (с. 22) • Разные проблемы, разные цели (с. 24) • «Великий» — не обязательно «хороший» (с. 27) • Величайшая из религий (с. 28) • Спорт и спасение (с. 31) • Насущные вопросы (с. 33)

По меньшей мере с тех пор, как в 60-х годах XX века по всей Европе и США появились первые ростки контркультуры, стало принято заявлять, что все религии прекрасны и все они истинны. Это утверждение, которое восходит к тексту «Все религии одинаковы» (1795) английского поэта, гравера и провидца Уильяма Блейка, выглядит столь же странно, сколь и любопытно¹. Никому не приходит в голову доказывать, что разные экономические системы или политические режимы — это одно и то же. Различия капитализма и социализма настолько очевидны, что о самом факте их существования едва ли стоит упоминать. То же самое справедливо для демократии и монархии. Тем не менее ученые продолжают настаивать на том, что конкурирующие религии, такие, как индуизм и ислам, иудаизм и христианство, по некоей удивительной прихоти воображения представляют собой одно и то же, и эти взгляды эхом повторяет массовая культура, не в последнюю очередь многомиллионный проект Дэна Брауна «Код да Винчи».

Самая популярная у сторонников подобных взглядов метафора изображает великие религии взбирающимися на одну и ту же гору по разным тропам. «Взойти на гору жизни можно с любой стороны, но на ее вершине тропы сходятся, — пишет философ и религиовед Хьюстон Смит. — У подножия, в предгорьях теологической, ритуальной и организационной структуры, религии различаются. Особенности

и отличиями культуры, истории, географии, общественного темперамента обусловлена разница отправных точек... Но за пределами этих различий манящая цель остается одной и той же»². Эта мысль служит утешением в мире, где конфликты и насилие по религиозным причинам зачастую выглядят существующими и действенными в большей степени, нежели Бог. Но так ли это? Если да, что нас может ожидать на вершине?

Согласно Мохандасу Ганди, «вера в единого Бога — краеугольный камень всех религий», значит, к этому единому Богу и взбираются вверх по склону все религиозные люди. Но когда речь заходит о божественном, единица оказывается не единственным возможным числом религий. Многие буддисты не верят ни в одного бога, многие индуисты верят в тысячи богов. Более того, по характеру эти боги различаются настолько, что это не укладывается в голове. Так кто же на самом деле бог — воитель, как индуистская Кали, или кроткий странник, как христианский Иисус? Обезличен он или наделен воплощением? Какого он пола — мужского, женского или обоих сразу? Или он вообще не поддается описаниям?

Как и Ганди, Далай-лама утверждает, что «ключевая мысль всех религий во многом одна и та же»³. Но с его точки зрения, религии мира объединяет не столько Бог, сколько Благо — сладостная гармония мира, любви и взаимопонимания, которые известный религиовед Карен Армстронг также считает образующими стержень каждой религии. Разумеется, традиции мировых религий объединяет и многочисленность этических норм. Ни одна религия не одобряет секс с родной матерью или убийство родного брата. Это незыблемое правило можно увидеть не только в христианской Библии и иудейском Талмуде, но и в индуистских и конфуцианских священных книгах. Но ни одна религия не воспринимает как причину своего существования одни только этические нормы. В представлении иудеев галаха («закон» или «путь») содержит и ритуалы, а десять заповедей начинаются с правил поклонения Богу.

Справедливости ради отметим: те, кто утверждает, что религии мира — одно и то же, не отрицают неоспоримого факта расхождений в деталях. Очевидно, что христиане не совершают паломничеств в Мекку, а у мусульман нет таинства крещения. Как признает Хьюстон Смит, пути религий расходятся «в предгорьях» догм, церемоний и учреждений⁴. То есть утверждать, что все религии одинаковы, — это не

значит отрицать разницу между буддистами, которые не верят в бога, иудеями, которые верят в единого Бога, и индуистами, верующими во многих богов. Это значит просто утверждать, что математика божественности — проблема «предгорий».

Споры о том, есть ли у Бога тело (да, говорят мормоны; нет, говорят мусульмане), есть ли у людей душа (да, говорят индуисты; нет, говорят буддисты), не имеют значения, потому что, как пишет индуистский духовный учитель Свами Шивананда, «основы или сущность всех религий одинаковы. Религии различаются лишь в том, что не относится к сущности»⁵.

Красиво выраженная мысль — и вместе с тем опасная, неуважительная и неверная. В течение жизни более чем целого поколения мы следовали

за учеными и гуру, направлялись по кроличьей норе в воображаемый мир, где все боги одинаковы. Это самообольщение отчасти объясняется вполне понятным неприятием миссионерских эксклюзивистских взглядов, согласно которым в рай или на небеса попадешь лишь ты сам и тебе подобные. На протяжении большей части истории человечества люди воспринимали религиозных противников как низших по положению приверженцев бессмысленных обрядов, виновников поддельных чудес, распространителей надуманных мифов. В эпоху Просвещения в XVIII веке популярность приобрели идеалы религиозной терпимости, и нам, несомненно, от этого стало легче. Тем не менее идея религиозного единства остается самообольщением, добавить миру спокойствия ей так и не удалось. Напротив, из-за этого наивного теологического группового мышления — назовем его «богомышлением» — мир стал более опасным, так как мы перестали обращать внимание на религиозные конфликты, создающие угрозу для нас повсюду. Нам пора выбраться из кроличьей норы и вернуться к действительности.

Приверженцы соперничающих религий мира объединяются, когда речь заходит о вопросах этики, но решительно расходятся по вопросам учений, обрядов, мифологии, опыта и права. Эти различия могут не иметь значения для мистиков или религиозных философов, однако

НА ПРОТЯЖЕНИИ
БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ
ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
ЛЮДИ ВОСПРИНИМАЛИ
РЕЛИГИОЗНЫХ
ПРОТИВНИКОВ КАК НИЗШИХ
ПО ПОЛОЖЕНИЮ, И ДАЖЕ
СЕГОДНЯ РЕЛИГИОЗНЫЕ
РАЗЛИЧИЯ СУЩЕСТВЕННО
ВЛИЯЮТ НА РЕАЛЬНЫЙ МИР

они важны для простых верующих. Мусульмане не считают несущественным паломничество в Мекку, которое они называют «хадж». Напротив, его причисляют к пяти столпам ислама. Христиане не считают несущественным крещение. Напротив, оно входит в число семи христианских таинств. Но религиозные различия не просто имеют значение для тех, кто исповедует ту или иную религию. Они оказывают непосредственное влияние на реальный мир. Из-за них, к примеру, люди отказываются вступать в брак с мусульманином или индуисткой. А в некоторых случаях религиозные различия побуждают верующих сражаться и убивать.

Одно из назначений мантры «все религии одинаковы» — остановить эти сражения и убийства. Утешает возможность делать вид, что великие религии составляют одну большую, дружную, счастливую семью. Но каким бы благонамеренным ни было это отношение, его нельзя назвать ни точным, ни этически достоверным. Бог не один. Вера в единство религий — всего лишь вера (возможно, даже фундаменталистского толка). А скачок, который приводит нас к ней, — плод гиперактивного воображения.

АЛЛЕРГИЯ НА ДИСКУССИИ

Одна из причин нашего желания последовать за фантазиями в кроличью нору религиозного единства — неловкость, которую вызывают у нас споры. Когда речь заходит о религии, нам особенно остро хочется всеобщего лада и согласия. В период преподавания в Бостонском университете мне приходилось потрудиться, чтобы спровоцировать вежливую дискуссию. Моим студентам легко давалась «вежливость», а на «дискуссию» возникала аллергическая реакция. Они считали споры проявлением невоспитанности и даже в кругу друзей старались избегать их любой ценой. Они охотно обсуждали достоинства последнего фильма братьев Коэн или диска U2, но ни в какую не соглашались высказывать разногласия почти по всем прочим поводам. Когда дело доходит до религии, американская молодежь с гораздо большей вероятностью пользуется выражением «мне кажется», чем «я считаю» или, Боже упаси, «я убежден».

В иудейской традиции различают споры ради победы в спорах (не имеющие ценности) и «споры во имя Бога» (имеющие ценность)⁶. Сегодня Запад захлестывают споры по радио, телевидению, в интернете,

но почти всегда эти споры ведутся не ради истины, а ради рейтингов или саморекламы, или по обоим причинам. Поэтому мы не желаем спорить на благо кого-то другого, а когда спорят другие, не видим в этом ничего достойного. Идея религиозной терпимости трансформировалась в смирительную рубашку религиозного согласия.

Однако в глубине души мы знаем, что религии мира отличаются друг от друга. Как утверждал мой коллега Адам Селигмен, сама идея религиозной терпимости подразумевает различия, поскольку незачем проявлять терпимость к чужой религии, если она, по сути дела, ничем не отличается от твоей⁷. Мы делаем вид, что эти различия несущественны, потому что так чувствуем себя увереннее, выглядим более высоконравственными. Но от притязаний на «одинаковость» мировых религий более безопасным наш мир не становится. Подобно всем формам невежества, эти притязания делают мир более опасным. Что нам нужно на этой неистово религиозной планете, так это реалистичный взгляд на сферы конфликтов соперничающих религий и сферы, в которых они могут сотрудничать. Новый подход к этой скользкой теме может внушать страх. Но мир таков, каков он есть. Поэтому толерантность и уважение останутся бессмысленными словами до тех пор, пока мы не узнаем хоть что-нибудь о том, к кому именно должны проявлять толерантность или уважение.

МНИМЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ

Книга Хьюстона Смита «Религии мира» была распродана тиражом более двух миллионов экземпляров с тех пор, как впервые вышла в 1958 году под названием «Религии человечества». Одна из причин ее успеха — искреннее и убежденное провозглашение Смитом идеи принципиального единства мировых религий. Делая акцент на вечных идеалах того, что он назвал «нашими традициями мудрости», Смит уделяет основное внимание духовному опыту и сводит до минимума упоминания об исторических фактах, институциональных реалиях и соблюдении ритуалов. Он приводит в пример скорее выдающихся, нежели обычных приверженцев религии — таких мистиков, как аль-Газали в исламе, святой Хуан де ла Крус (святой Иоанн Креста) в христианстве и Чжуан-цзы в даосизме. По его собственному признанию, Смит пишет о «религиях в их лучшем проявлении», демонстрирует их «светлую сторону» вместо того, чтобы вывешивать на обозрение грязное

белье, ставит их «богодуховенную» философию и теологию превыше войн и кривотолков. Он пишет с позиций сочувствующего, обращаясь к американским идиомам надежды и оптимизма. Когда речь идет о религии, говорит Смит, дело «обстоит лучше, чем может показаться»⁸.

Более полувека назад, когда Смит написал эти слова, они сыграли на чувствах именно так, как и требовалось. После Второй мировой войны и холокоста поборники традиции, которая приобретала известность как иудео-христианская, начинали рассматривать протестантизм, католичество и иудаизм как три равноправных проявления одной общей веры. Тем временем поклонники «Вечной философии» Олдоса Хаксли (1945) и «Тысячеликого героя» Джозефа Кэмпбелла (1949) осуждали устоявшуюся склонность людей делить мировые религии на две категории: ложные и свою собственную. Религии мира, утверждали они, — это разные тропы, ведущие к вершине одной и той же горы. Или, как выразился Свами Шивананда, «Коран, Зенд-Авеста или Библия в той же степени священны, как и «Бхагавад-гита»... Ахура Мазда, Ишвара, Аллах, Яхве — все это разные имена одного Бога⁹. Сегодня этот подход — новая ортодоксальность, закрепленная в бестселлерах Карен Армстронг и телевизионных интервью Билла Мойерса с Джозефом Кэмпбеллом, Хьюстоном Смитом и другими видными сторонниками «вечной философии».

Это «вечнофилософствование» может показаться вполне плюралистическим, но лишь на первый взгляд. Католического богослова Карла Ранера справедливо раскритиковали за его теорию, согласно которой многие буддисты, индуисты и иудеи на самом деле «анонимные христиане», которые в грядущем попадут на небеса. Консервативные католики считают эту теорию оскорбительной для их давнего убеждения в том, что «вне церкви нет спасения». Но и либералы осуждают учение Ранера за снисходительность, присущую ему, по их мнению. «Нигде в мире, — пишет католический богослов Ханс Кюнг, — не найти истинного иудея, мусульманина или атеиста, который не счел бы заявление о том, что он «анонимный христианин», безапелляционным»¹⁰.

Но безапелляционны и сторонники «вечной философии». Они тоже приписывают своей традиции посторонних вопреки их воле. Когда гуру Хаксли, Свами Прабхавананда, говорит, что все религии ведут к Богу, ему представляется индуистский Бог. И когда мои студенты-индуисты цитируют бога Кришну из «Бхагавад-гиты» (4:11) — «Как человек

предается Мне, так Я и вознаграждаю его» — истина, которая им представляется, — индуистская истина. Всего в нескольких кварталах от моего офиса находится Общество Веданты и Рамакришны. Его здание очень похоже на церкви основного направления протестантизма, но перед ним расставлены изображения индуистских богов, а в самом помещении находятся символы мировых религий: исламские звезда и полумесяц, буддийское колесо дхармы, христианский крест, иудейская звезда Давида. Когда мой друг Свами Тьягананда, который руководит Обществом, утверждает, что все религии одинаковы, он высказывается как верующий человек, исполненный надежд. Когда о том, что все религии одинаковы, говорит Хьюстон Смит, он изъясняется на том же языке.

**МЫ ЖИВЕМ В МИРЕ,
В КОТОРОМ РЕЛИГИЯ
С ОДИНАКОВОЙ
ВЕРОЯТНОСТЬЮ
СПОСОБНА КАК
ВЗОРВАТЬ БОМБУ,
ТАК И ОБЕЗВРЕДИТЬ ЕЕ**

Мне понятна суть их действий. Они не описывают мир, а воображают его заново. И рассчитывают, что их надежды пробудят в нас братские чувства. Перед лицом угрозы религиозного фанатизма и кровопролития как в прошлом, так и в настоящем мы не можем не стремиться к таким видениям и такой надежде. Однако нам следует понимать, что они собой представляют, не путая ни то, ни другое с ясным и четким анализом. Мы должны признать: бывают ситуации, в которых непонимание различий между, допустим, суннизмом и шиизмом, усиливает, а не ослабляет конфликты и насилие. Увы, мы живем в мире, в котором религия с одинаковой вероятностью способна как взорвать бомбу, так и обезвредить ее. И если идеализм нам необходим, то в реализме мы нуждаемся еще сильнее. Нам требуется понять религиозных людей такими, какие они есть, не только в лучшем, но и в худшем проявлении. Мы должны обратиться не только к архитектуре, внушающей благоговейный трепет, и благородному мистицизму, но и к фанатизму, и к террористам-смертникам.

РЕЛИГИЯ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

Действительно ли у мировых религий больше общего, чем различий, — один из решающих вопросов нашего времени. До недавнего времени большинство социологов были уверены, что религии исчезают, что по мере индустриализации и модернизации страны будут становиться все

более светскими. В настоящее время религия действительно сдает позиции во многих западноевропейских странах. Однако более девяти из каждых десяти американцев веруют в Бога, и за примечательным исключением Западной Европы, остальному миру тоже присуща выраженная религиозность. Повсюду в Латинской Америке, Африке и Азии религия имеет значение для христиан, которые славят Иисуса после рождения ребенка, для мусульман, которые обращаются к Аллаху за утешением, когда узнают, что больны раком, и для индуистов, которые просят у богини Лакшми здоровья, богатства и мудрости. Религия играет существенную роль и в жизни Западной Европы, где свойственное католицизму отношение к женщине и телу, к примеру, продолжает оказывать влияние на повседневную жизнь в Испании и Италии и где призыв к молитве по пять раз на дню звучит в мечетях повсюду, от Амстердама до Парижа и Берлина.

Однако религия — не просто частное дело. Она имеет значение на социальном, экономическом, политическом и военном уровне. Религия может и не сворачивать горы, тем не менее это одна из главных движущих сил мировой политики. Она определяет ход выборов и в США, где примерно половина американцев утверждает, что не стали бы голосовать за атеиста, и в Индии, где движение «Хиндутва» («индускость») стало местным вариантом американского движения правых христиан. Религией движима и экономика. Паломники, направляющиеся в Мекку и Иерусалим, закачивают миллиарды долларов в год в экономику Саудовской Аравии и Израиля. Доход от продаж Библии в США ежегодно составляет приблизительно 500 миллионов долларов, оборот мусульманских банков достигает одного триллиона долларов¹¹.

**РЕЛИГИЯ — НЕ ПРОСТО
ЧАСТНОЕ ДЕЛО. ЭТО
ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ
ДВИЖУЩИХ СИЛ
МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ**

Мировую историю зачастую излагают так, словно религия не играла в ней хоть сколько-нибудь заметной роли. Испанцы завоевали Новую Испанию ради золота, британцы прибыли в Новую Англию, чтобы ловить рыбу. Великая французская революция не имела никакого отношения к католицизму, движение за гражданские права в США преследовало исключительно гуманистические цели. Но даже если религия представляется вам лишённой смысла, понять ее смысл необходимо, чтобы понять мир.

В одном только XXI веке религия уничтожила Бамианские статуи Будды в Афганистане и башни-близнецы в Нью-Йорке. Она же разожгла гражданскую войну в Шри-Ланке и Дарфуре. Она оказывала сопротивление коалиционным войскам в Ираке. Во многих странах мнение религии оказывается решающим в вопросах питания людей, а также обстоятельств их вступления в брак и развода. Религиозное соперничество либо медленно кипит, либо выплескивается в Мьянме, Уганде, Судане и Курдистане. Борьба в Иерусалиме и на Ближнем Востоке носит религиозный характер в той же мере, что и экономический и политический. Индуизм и буддизм служили ключевыми факторами мотивации в затянувшейся на десятилетия гражданской войне, еще недавно раздиравшей Шри-Ланку. Религия остается главным мотивирующим фактором в Кашмире, где две ядерные державы, преимущественно индуистская Индия и преимущественно мусульманский Пакистан, никак не могут разрешить давний территориальный спор с ощутимым религиозным оттенком. Догмат «все религии одинаковы» не поможет нам продвинуться в понимании этой борьбы ни на йоту.

ТОКСИН И ТОНИК

Начало XXI века в Европе и США ознаменовалось выходом в свет десятков бестселлеров, написанных так называемыми новыми атеистами. Такие авторы, как Ричард Докинз, Сэм Харрис, Дэниел Деннет, Кристофер Хитченс и Мишель Онфре, проповедовали свою версию «богомышления», усаживая в подражание сторонникам «вечной философии» все религии в одну лодку. Но эта команда видела лишь грехи, объединяющие великие религии — одну и ту же глупость, один и тот же гнет. Посмотрите на крестовые походы, 11 сентября и все религиозные конфликты в промежутке между этими событиями, предлагали они. Посмотрите на уродливое наследие сексистских (и подавляющих сексуальность) писаний. Религия опасна для вашего здоровья и токсична для общества.

Разумеется, религия существует не в вакууме. «Исповедовать религию в общем» можно с таким же успехом, как «говорить в общем на языке». Поэтому обобщения, касающиеся комплексного влияния религии, — особая категория опасности. Тем не менее основной тезис «новых атеистов», несомненно, верен: религия действительно является одной из величайших сил зла в мировой истории. Однако религия —